

Бестселлер The New York Times

ЭЛИЗАБЕТ ГИЛБЕРТ

БОЛЬШОЕ ВОЛШЕБСТВО

ТВОРЧЕСТВО
БЕЗ СТРАХА

от автора
«ЕСТЬ, МОЛИТЬСЯ, ЛЮБИТЬ»

*«Все, кто хочет творить, жить ярко и креативно,
обязательно прочитайте эту книгу!»*

PopSugar

Элизабет Гилберт

Большое волшебство

«РИПОЛ Классик»

2016

УДК 80
ББК 83

Гилберт Э.

Большое волшебство / Э. Гилберт — «РИПОЛ Классик», 2016

ISBN 978-5-386-09835-3

Долгожданная новинка Элизабет Гилберт! Книга для тех, кто хочет сделать свою жизнь насыщенной, грандиозной, счастливой, разнообразной и интересной. Элизабет Гилберт – популярная американская писательница, автор всемирно известной книги «Есть, молиться, любить», продержавшейся 199 недель в списке бестселлеров The New York Times. «Большое волшебство» – исследование на тему творчества: какова его природа, какую роль оно играет в нашей повседневной жизни, откуда берутся идеи, как преодолеть страх и начать творить. По мнению автора, внутри каждого из нас таятся необычные сокровища, которыми нас наградила природа. И наша задача – вытащить их на свет. А что для этого нужно сделать, объяснит эта практичная книга, полная ярких примеров и удивительных открытий. Вдохновляйтесь и не бойтесь творить! В формате pdf.a4 сохранен издательский макет.

УДК 80
ББК 83

ISBN 978-5-386-09835-3

© Гилберт Э., 2016
© РИПОЛ Классик, 2016

Содержание

Храбрость	6
Потаенное сокровище	6
Творческая жизнь, определение	8
Насыщенное бытие	9
Страшно, страшно, страшно	11
Защита ваших слабостей	13
Страх – это скучно	15
Страх, который вам нужен, и страх не нужный вовсе	16
Поездка	17
Почему оно того стоит	18
Волшебство	19
Идея приходит	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Элизабет Гилберт

Большое волшебство

© 2016, Elizabeth Gilbert All rights reserved. Based on original cover design by Helen Yentus
Cover photograph by Henry Hargreaves

© Мигунова Е.Я., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2017

* * *

Храбрость

Потаенное сокровище

Жил когда-то человек по имени Джек Гилберт, он не имел ко мне никакого отношения, к большому моему сожалению.

Джек Гилберт был великим поэтом, но, если вы никогда о нем не слыхали, не смущайтесь. Это не ваша вина. Его никогда не заботила известность. Но мне он был известен, я нежно любила его – с почтительного расстояния, – так что, позвольте, я вам о нем расскажу.

Джек Гилберт родился в Питсбурге в 1925 году, там и вырос, в дымном и шумном промышленном городе. В юности он работал на сталелитейном производстве, но с ранних лет почувствовал призвание писать стихи. Он ответил на этот призыв без колебаний. Он стал поэтом так, как иные люди становятся монахами: относился к поэзии как к религии, как к акту любви, как к делу всей жизни, посвященной поиску благодати и высшей милости. Мне кажется, что это очень правильный способ становиться поэтом. Или еще кем-то, в зависимости от того, на что откликается ваше сердце и что пробуждает вас к жизни.

Джек мог бы стать знаменитым, но он за этим не гнался. У него были талант и харизма, но слава его просто не интересовала. Первый же его сборник, опубликованный в 1962 году, получил престижную награду Йельского университета для молодых поэтов и был номинирован на Пулицеровскую премию. Более того, он завоевал признание читателей и критиков, а ведь это не так уж просто для поэта в современном мире. Было в нем что-то такое, что притягивало людей и не отпускало.

Красивый, увлеченный и пылкий, Гилберт прекрасно смотрелся на сцене. Женщин тянуло к нему как магнитом, для мужчин он становился идиолом. Его фотографировали для журнала «Вог», на снимках он был великолепен и романтичен. Люди буквально сходили по нему с ума. Этот человек мог бы стать рок-звездой.

Вместо этого он исчез. Не хотел отвлекаться на всю эту шумиху. Со временем он признался, что слава была для него скучна – не то чтобы он находил ее аморальной или развращающей, а просто каждый день все было одно и то же, одно и то же. А ему хотелось чего-то другого, богаче, ярче, разнообразнее. Вот и бросил все это. Гилберт уехал в Европу и поселился там на двадцать лет. Сначала он пожил в Италии, потом в Дании, но больше всего времени провел в пастушьей хижине на вершине холма в Греции. Там он постигал и осмысливал тайны вечности, наблюдал, как меняется свет, и в тиши писал свои стихи. Были у него свои истории любви, свои трудности, свои победы. Он был счастлив. Как-то сводил концы с концами, чем-то зарабатывал себе на жизнь. Он довольствовался малым. Допустил, что его имя почти забыли.

Через двадцать лет Джек Гилберт снова возвратился после долгого забвения и опубликовал новый сборник стихотворений. И снова литературный мир влюбился в него. Он снова стал знаменитым. И снова скрылся – теперь на десять лет. Такой у него был стиль: уединение, затем публикация чего-то невероятно мощного и снова уединение. Гилберт напоминал редкую орхидею, у которой от цветения до цветения проходит много лет. И никогда ни в малейшей степени он не рекламировал себя. (В одном из тех немногих интервью, которые Гилберт дал в своей жизни, его спросили, как, по его мнению, такой уединенный образ жизни повлиял на его карьеру. Он рассмеялся и ответил: «Похоже, это ее стубило».)

Я узнала о Гилберте исключительно по той причине, что уже на склоне лет он вернулся в Америку и – по соображениям, которых мне никогда не узнать, – устроился временным преподавателем писательского мастерства в университете Теннесси в Ноксвилле. Так совпало, что через год, в 2005-м, я получила ту же должность. (В университете даже начали посмеиваться,

называя нашу кафедру «кафедрой Гилбертов».) Я обнаружила книги Джека Гилберта у себя в кабинете, который заняла после него. Казалось, комната будто еще хранила тепло его присутствия. Я читала его стихи, и они поразили меня масштабностью, они неожиданно напомнили мне Уитмена. («Мы должны отважиться на восторг, – писал он. – Мы должны набраться упрямства, чтобы быть счастливыми в беспощадном горниле мира сего».)

Мы с ним однофамильцы, занимали одну должность, даже один кабинет, мы учили одних и тех же студентов, а теперь я еще и влюбилась в его слова – неудивительно, что в итоге этот человек меня очень заинтриговал. Я всех расспрашивала: кто он такой, Джек Гилберт?

Студенты отвечали, что это самый выдающийся человек из всех, кого им доводилось встречать. Казалось, будто он немного не от мира сего, сказали они. Он словно постоянно пребывал в состоянии восхищения, восторгался и их призывал к тому же. Он в основном учил их не тому, *как* писать стихи, сказали они, а тому, *зачем*: от восторга. Из-за своего упрямого счастья. Он говорил им, что они должны прожить жизнь как можно более творчески, потому что это поможет им противостоять беспощадному горнилу нашего мира.

Особенно часто, однако, он призывал своих учеников быть смелыми. Без смелости, объяснял он, им ни за что не удастся осознать, как расширяются границы их собственных возможностей. Без смелости им не познать мир в его полноте настолько, насколько он жаждет быть познанным. Без смелости жизнь каждого из них будет незначительной и мелкой – куда более мелкой, чем им, вероятно, хотелось бы.

Я так и не встретила с Джеком Гилбертом лично, а теперь его уже нет – он скончался в 2012 году. Наверное, можно было поставить себе такую задачу – разыскать его и познакомиться, пока он еще был жив, но я, признаюсь, не стремилась к этому. (Опыт научил меня быть осторожнее с личными встречами – они подчас несут страшное разочарование.) Так или иначе, мне нравилось место, которое Джек Гилберт занял в моем воображении, каким он рисуется мне благодаря своим стихам и всему, что я о нем слышала. Вот я и решила, что ограничусь таким знакомством – в воображении.

Но я никогда не забуду слов, которые сказал однажды реальный Джек Гилберт, и сказал он их реальному человеку из плоти и крови, застенчивой студентке университета Теннесси. Эта девушка рассказала мне, как однажды после семинара Джек отвел ее в сторонку. Он похвалил ее работу, а потом спросил, чего она хочет в жизни. Девушка засмушалась, но все же призналась, что хочет стать писателем.

С бесконечно сочувственной улыбкой Гилберт спросил: «А смелости у вас хватит? Смелости на то, чтобы дать этому выплеснуться? Сокровища, которые таятся у вас внутри, надеются, что вы ответите *да*».

Творческая жизнь, определение

Это, я считаю, центральный вопрос, ответить на который пытаются все живые создания: *хватит ли тебе смелости вытащить на белый свет все сокровища, спрятанные у тебя внутри?*

Видите ли, я представления не имею, что там скрыто внутри вас. Откуда бы мне это узнать. Возможно, вы и сами не очень-то в курсе, хотя, подозреваю, какие-то намеки замечали. Мне неизвестны ваши способности, я знать не знаю, что вас вдохновляет, каковы ваши желания и скрытые таланты. Но наверняка там, у вас внутри, таится что-то потрясающее. Заявляю это с полной уверенностью, потому что (так уж я устроена) верю, что все мы – ходячие хранилища потаенных сокровищ. Я верю, что это очень древняя и очень щедрая проделка, игра, в которую природа играет с людьми, к своему и нашему удовольствию: природа прячет в каждом из нас необычные драгоценности, а потом отходит в сторонку и смотрит, сумеем ли мы их найти.

Охота за этими скрытыми в нас сокровищами – вот что такое творческая жизнь.

Отчаянная храбрость, которая гонит нас на эту охоту, – вот что превращает серые будни в более яркую жизнь.

Результаты этой охоты, которые часто оказываются для нас сюрпризом, – вот их-то я и называю Большим волшебством.

Насыщенное бытие

Когда я говорю здесь о творческой жизни, пожалуйста, помните: я не обязательно имею в виду, что надо посвятить жизнь исключительно профессиональному искусству. Я не утверждаю, что вы должны стать поэтом и поселиться на Олимпе, выступать в Карнеги-холл или получить Золотую пальмовую ветвь на Каннском фестивале. (Хотя, если вы захотите достичь какой-то из этих целей, *приступайте*, я обожаю дерзких авантюристов и мечтателей.) Нет, упоминая творческую жизнь, я говорю о ней в более широком смысле слова. Я веду речь о жизни, в которой человеком руководит больше любознательность, чем страх.

Вот, скажем, один из самых ярких примеров творческой жизни – моя подруга Сьюзен, которая увлеклась фигурным катанием в возрасте сорока лет. Вообще-то, кататься на коньках она давно уже умела. В детстве она занималась фигурным катанием и всегда обожала его, но ушла из этого спорта в подростковом возрасте, когда стало понятно, что ей недостает таланта, чтобы стать чемпионкой. (Ох уж эти подростковые годы, когда кого-то торжественно объявляют талантливым и выделяют из толпы, взваливая на хрупкие детские плечи бремя чужих надежд, а прочих сверстников при этом обрекают на банальное, лишённое вдохновения существование! Ну что за система...)

Прошло чуть больше четверти века – моя подруга Сьюзен не каталась на коньках. Чего ради стараться, если не можешь быть лучшей? Потом ей исполнилось сорок. Она стала вялой и апатичной. Но в то же время нервной. Она чувствовала, как становится незаметной серой мышью. И вот Сьюзен провела небольшую переоценку ценностей – многие так делают, когда у них юбилей. Она спросила себя, когда в последний раз ей было легко, радостно и когда она – да-да! – испытала *творческий порыв* и при этом чувствовала себя по-настоящему собой. К своему ужасу, она поняла, что с той счастливой поры миновали долгие десятилетия. Оказалось, все это она испытывала подростком, катаясь на коньках. Сьюзен была просто в шоке, осознав, что так долго подавляла в себе эту жизненную потребность. Потом ей стало интересно: а не прошла ли у нее любовь к катанию?

Она пошла на поводу у своего любопытства. Купила коньки, нашла каток и записалась к тренеру. Внутренний голос твердил, что она просто потакает своим нелепым и безумным прихотям, но Сьюзен не стала его слушать. Она подавила даже неловкость от того, что оказалась единственной великовозрастной тетей среди девятилетних малышей.

Она просто занималась.

Три раза в неделю Сьюзен вставала затемно и, пошатываясь спросонья, отправлялась кататься на коньках до начала долгого трудового дня. Она каталась, каталась, каталась... И выяснила, что это по-прежнему восхитительно. Теперь ей даже больше нравилось кататься, ведь, став взрослой, она наконец-то оценила, как важна сама возможность радоваться жизни. На коньках она почувствовала себя активной и юной. Она перестала казаться себе среднестатистическим потребителем, безликим исполнителем повседневных задач и обязанностей. Она начала осознавать себя как личность, решившись сделать что-то *с собой*.

Это был поворот. Поворот в буквальном смысле, как будто Сьюзен, раскрутившись на льду, развернулась лицом к жизни – поворот за поворотом и новый поворот...

Пожалуйста, обратите внимание: моя героиня не ушла с работы, не продала дом, не порвала ни с кем отношений и не переехала в Торонто, чтобы оттачивать мастерство под руководством тренера олимпийского уровня. Заметьте также, что в конце истории Сьюзен не получила медаль и не стала чемпионкой. Такого финала и не должно быть. На самом деле история вообще еще не окончена, потому что Сьюзен *до сих пор* по несколько раз в неделю катается по утрам на коньках. Просто потому, что катание для нее – это лучший способ *выявить какую-то красоту* и выйти за рамки обыденности в своей жизни – то, чего она не могла добиться иными

способами. И пока она еще здесь, на Земле, ей хочется как можно больше времени проводить за рамками обыденности.

Вот и все.

Это я и называю творческой жизнью.

И хотя способы реализации и результаты творческой жизни могут кардинально отличаться у разных людей, я с гарантией могу утверждать следующее: творческая жизнь – это жизнь насыщенная и яркая. Это грандиозная жизнь, счастливая, разнообразная и чертовски интересная. Жить так – упорно и постоянно извлекая на свет сокровища, затаенные у вас внутри, – это уже искусство *само по себе*.

Потому что в творческой жизни всегда присутствует Большое волшебство.

Страшно, страшно, страшно

Теперь давайте поговорим о храбрости.

Если вам уже хватило отваги вытащить на свет спрятанные в вас сокровища, восхитительно. Возможно, ваша жизнь уже полна интересных вещей. И эта книжка вам не нужна. Это классно.

Но если вам недостает смелости, давайте попытаемся найти ее. Ведь творческая жизнь – это дорога отважных. Мы все это знаем. И все мы знаем, что, когда храбрость иссякает, творческие силы иссякают вместе с ней. Знаем, что страх – унылый пустырь, куда отправляются наши мечты и где они высыхают на палящем солнце. Это общеизвестно – вот только мы порой просто не знаем, как с этим быть.

Дайте мне перечислить лишь несколько из множества страхов, которые могут мешать вам жить творческой жизнью.

Вы боитесь, что у вас нет таланта.

Вы боитесь, что вас отвергнут, или раскритикуют, или высмеют, или неправильно поймут, или – самое ужасное – проигнорируют.

Вы боитесь, что на ваше творчество не будет спроса, а значит, незачем и стараться его реализовывать.

Вы боитесь, что у кого-то это получится лучше, чем у вас.

Вы боитесь, что у всех это получается лучше, чем у вас.

Вы боитесь, что кто-то украдет ваши идеи, так что безопаснее навечно спрятать их в темноте под спудом.

Вы боитесь, что вас не воспримут всерьез.

Вы боитесь, что ваша работа имеет недостаточное политическое, эмоциональное или художественное значение, чтобы изменить чью-нибудь жизнь.

Вы боитесь, что ваши мечты неприличны.

Вы боитесь, что однажды, оглянувшись на результаты своей творческой деятельности, поймете, что это была огромная трата времени, сил и денег.

Вы боитесь оказаться недостаточно дисциплинированным.

Вы боитесь, что у вас не окажется подходящего рабочего пространства, финансовой свободы или не найдется времени, чтобы сосредоточиться на изобретениях или исследованиях.

Вы боитесь, что у вас не окажется достаточных навыков или знаний.

Вы боитесь, что вы слишком толстый. (Уж не знаю, какое отношение это может иметь к творчеству, но, как показывает мой опыт, многие из нас считают себя слишком толстыми, так включим для полноты картины и этот пункт в наш список опасений.)

Вы боитесь, что вас сочтут графоманом, глупцом, дилетантом или нарциссом.

Вы боитесь огорчить членов своей семьи тем, что они, возможно, о вас узнают.

Вы боитесь того, что могут сказать ваши партнеры или сотрудники, услышав ваши личные признания.

Вы боитесь выпустить на волю своих потаенных демонов, вам совсем не хочется встречаться с ними.

Вы боитесь, что лучшие ваши достижения уже остались в прошлом.

Вы боитесь, что у вас никогда и не было лучших достижений.

Вы боитесь, что так долго отрицали в себе творческие способности, что теперь их уже не вернуть.

Вы боитесь, что вы уже стары, чтобы начинать.

Вы боитесь, что вы чересчур молоды, чтобы начать.

Вы боитесь, потому что однажды в жизни вам что-то удавалось, все шло хорошо, и очевидно, что так хорошо быть уже не может.

Вы боитесь, потому что в вашей жизни ничто и никогда не шло хорошо, так зачем пытаться?

Вы боитесь стать однодневкой.

Вы боитесь не стать даже однодневкой...

Слушайте, не буду я перечислять все возможные страхи, это может занять целый день, а у меня его нет. Список, во всяком случае, бесконечный и очень удручающий. Я просто резюмирую вышеперечисленное таким образом: СТРАШНО, СТРАШНО, СТРАШНО.

Все вокруг чертовски страшно.

Защита ваших слабостей

Пожалуйста, поймите, что я так решительно говорю о страхе по единственной причине – потому что сама очень близко с ним знакома. Я знаю каждый сантиметр страха, с головы до ног. Всю жизнь я была жуткой трусихой. Я, похоже, испугалась, как только родилась. Учтите, я нисколько не преувеличиваю, спросите любого в моей семье, и вам подтвердят, что да, я была исключительно запуганным ребенком. Мои самые ранние воспоминания связаны со страхом, как и многие более поздние.

Пока я росла, меня страшили не только общеизвестные и привычные опасности (темнота, незнакомцы и дальняя, глубокая, часть бассейна). Я боялась и огромного количества совершенно безобидных вещей (снега, безупречно приятных в общении нянь, машин, детских площадок, лестниц, «Улицы Сезам», телефона, настольных игр, бакалейных магазинов, острых стеблей травы, любых непривычных ситуаций, всего, что движется, и так далее, и так далее, и так далее...).

Я была чувствительным и легкотравмируемым существом, которое ударялось в слезы при любом нарушении личного пространства. Мой отец выходил из себя и называл меня плаксо-ваксой. Однажды летом, когда мне было восемь лет, мы отправились на побережье в Делавэре, и меня до того расстроил океан, что я попыталась заставить родителей *запретить людям на пляже заходить в воду*. (Мне было бы куда спокойнее и комфортнее, если бы все они просто сидели на берегу, каждый на своем полотенчике, и читали бы себе спокойно книжки; неужели я просила о многом?) Будь моя воля, я бы провела все каникулы – да что там каникулы, все детство – дома, уютно устроившись на коленях у матери, при приглушенном свете лампы, желательно с прохладной тряпочкой на лбу.

Ужасно, что я в этом признаюсь, но это чистая правда: возможно, я была бы *счастлива*, если бы у меня была одна из этих кошмарных матерей, что страдают делегированным синдромом Мюнхаузена¹; мы бы сговорились и постоянно сообща притворялись, что я больна, слаба и умираю. Будь у меня шанс, я бы охотно взаимодействовала с такой матерью, изображая абсолютно беспомощное дитя.

Но моя мать была другой.

Даже отдаленно их не напоминающей.

Наоборот, моя мама категорически не была склонна к чему-то подобному. Она ни минуты не верила моим представлениям – и, кажется, это было самой большой моей удачей в жизни. Моя мама выросла на ферме в Миннесоте, была достойным потомком суровых скандинавских иммигрантов, и ей вовсе не улыбалось потакать маленькой трусихе. Для нее это было немыслимо. Моя мать вознамерилась преодолеть все мои страхи, а ее подход был почти до смешного прямолинейным: всякий раз она заставляла меня делать именно то, что вызывало во мне ужас.

Боишься океана? Ступай окунись и искупайся в океане!

Боишься снега? Бери лопату, пора расчищать дорожки от снега!

Не можешь разговаривать по телефону? Отныне в этом доме ты официально отвечаешь за то, чтобы подходить к телефону.

Стратегия была не слишком мудреной, зато мама проводила ее последовательно. Поверьте, я сопротивлялась. Я плакала, обижалась и демонстративно, назло, терпела неудачи. Я отказывалась здравствовать и благополучно развиваться. Наоборот, тормозила, как могла,

¹ Делегированный синдром Мюнхаузена – это такой вид психического расстройства, при котором родители намеренно вызывают у ребенка болезненные состояния или выдумывают их, чтобы обратиться за медицинской помощью. Такие действия совершают почти исключительно женщины, в подавляющем большинстве случаев – родные или приемные матери.

трясаясь всем телом и упираясь руками и ногами. Я готова была на все, только бы доказать, что я физически и эмоционально ослаблена.

Но маме все было нипочем, она знай свое: «Ничего подобного, с тобой все в порядке!»

Я потратила годы на борьбу с маминой непоколебимой верой в мои силы и способности. Пока однажды, уже подростком, я наконец не осознала, что препираться дальше довольно глупо. Что я защищаю? Собственную слабость? И это то, за что я готова стоять не на жизнь, а на смерть?

Как говорится, защищай свои несовершенства, и они твои навсегда.

С чего бы мне держаться за какие-то несовершенства?

Я, как видите, не захотела.

И не хочу, чтобы и вы держались за свои.

Страх – это скучно

Позднее я подолгу размышляла над тем, что же побудило меня наконец перестать играть роль плаксы-ваксы, – буквально ночами не спала. Конечно, этому поспособствовало много факторов (мамино упорство, мое взросление), но главным, я полагаю, оказалось вот что: однажды я поняла, что бояться скучно.

Вообще-то, мой страх всегда был скучен всем вокруг, но лишь когда я достигла подросткового возраста, он наскучил даже мне самой. Полагаю, причина была та же, по которой Джеку Гилберту наскучила его слава: *каждый день одно и то же*.

В возрасте примерно пятнадцати лет я каким-то образом поняла, что мой страх напрочь лишен разнообразия, глубины, основательности. Я заметила, что страх никогда не меняется, не приносит удовольствия, никогда не предполагает сюрпризов или неожиданных концовок. Мой страх был словно песня с мелодией из одной ноты, и к тому же состоящая из одного слова, а этим словом было «СТОП!». Страх был не способен предложить мне ничего более интересного, более изысканного, чем это резкое, раз за разом повторяемое на полной громкости слово: «СТОП, СТОП, СТОП, СТОП!»

Следовательно, страх всякий раз вынуждал меня принимать предсказуемо скучные желания, как если бы книга, где самому можно выбирать концовку, всегда имела одно завершение: *пустоту*.

Я поняла, что мой страх скучен еще и потому, что он был абсолютно идентичен чьим-либо еще страхам. Я поняла, что у всех песня страха состоит из точно такой же нудной строчки: «СТОП, СТОП, СТОП, СТОП!» Конечно же громкость у разных людей может отличаться, но сама песня никогда не меняется, потому как еще в материнской утробе все мы, человеческие существа, были снабжены одинаковыми комплектами страха. Да и не только люди: если вы проведете рукой над чашкой Петри, в которой сидит головастик, он станет уворачиваться от вашей тени. Этот головастик не может писать стихи, он не умеет петь, ему неведомы любовь, ревность, зависть или радость победы, мозг у него размером с запятую, но даже он отлично знает, как надо бояться неизвестного.

Как и я.

Как и все мы. Но в этом нет ничего совершенно непреодолимого. Понимаете, о чем я? Я имею в виду, что за умение бояться неизвестного вы не получите никаких особенных *бонусов*. Другими словами, страх – это очень древний инстинкт, принципиально важный для процесса эволюции... но не особенно умный.

В своем трусоватом детстве я фиксировалась на страхе так, будто во мне не было ничего более интересного, а на самом-то деле он был самым банальным. Возможно даже, что только страх во мне и можно было назвать на сто процентов банальным. Ведь во мне было творческое начало, и оно было уникальным; была личность, и она была уникальна; у меня были мечты, перспективы, стремления, и они были уникальны. Но страх был вовсе не оригинален. Мой страх не был каким-то редким произведением искусства ручной работы, это был просто ширпотреб, продукт серийного производства, который можно найти на полках любого заурядного магазина.

И это было то, на чем я хотела построить свою идентичность?

На самом банальном из своих инстинктов?

На паническом рефлексе тупого головастика, сидящего внутри у каждого из нас?

Ну уж нет.

Страх, который вам нужен, и страх не нужный вовсе

Теперь вы, вероятно, ждете, что я стану говорить – вам, мол, нужно стать бесстрашными для того, чтобы начать творческую жизнь. Но я не скажу такого, потому что вовсе так не думаю. Творческий путь для смелых – это верно, но не для *бесстрашных*, и понимать разницу очень важно.

Храбрость означает способность взяться за что-то, хотя это страшит.

Бесстрашие означает, что человек просто даже не понимает, что означает слово «страшно».

Если вы поставили перед собой жизненную цель стать бесстрашными, то, мне кажется, вы на неверном пути, потому что единственными бесстрашными людьми, каких мне доводилось встречать, были либо полные психопаты, которым море по колено, либо на редкость беспечные трехлетние дети; ни тех, ни других нельзя назвать хорошим примером для подражания.

Дело в том, что страх вам нужен, по понятным причинам, для выживания. Эволюция не зря установила у вас внутри рефлекс страха, потому что, не будь у вас внутри страха, ваша жизнь была бы короткой, безумной и бессмысленной. Вы ходили бы по проезжей части. Бродили бы по дремучему лесу, где вас съели бы медведи. Вы прыгали бы в гигантские волны прибоя на Гавайях, почти не умея плавать. И вышли бы замуж за человека, заявившего на первом свидании: «Вообще-то, я считаю, что люди по своей природе не моногамны».

Так что да, разумеется, вам нужен страх, чтобы защитить вас от реальных опасностей, подобных тем, что я перечислила выше.

Но вам совершенно не нужен страх в мире творческого вдохновения.

Серьезно, вот совсем не нужен.

Но то, что вам *не нужен* страх, когда дело касается творчества, конечно, не означает, что он не проявится. Поверьте, страх непременно поднимет голову, особенно если вы попытаетесь что-нибудь изобрести или сделать что-то новое и небывалое. Страх будет спровоцирован вашим стремлением к творчеству, потому что творчество побуждает вступать на зыбкую почву, браться за дела с неопределенным исходом, а страх *не терпит* неопределенности. Ваш страх – призванный эволюцией бдительно следить за вами и постоянно вас опекать – вечно предполагает, что любое неопределенное развитие событий неминуемо приведет к ужасной кровавой гибели. Грубо говоря, страх подобен охраннику магазина, который вообразил себя непобедимым спецназовцем: он сутками не спит, держится только на напитках-энергетиках и готов стрелять в собственную тень в абсурдном стремлении обеспечивать «безопасность» для всех и каждого.

Такое положение вещей совершенно естественно для человека.

Тут абсолютно нечего стыдиться.

Однако с этим необходимо будет как-то разбираться.

Поездка

Вот как я научилась справляться с собственным страхом: прежде всего, я решила, что если я хочу творчества в жизни – а я хочу, – то в ней будет место и для страха.

И много места.

Я попыталась построить свою жизнь так, чтобы страх и творческое начало смогли в ней мирно сосуществовать, раз уж все равно понятно, что они никуда от меня не денутся. Похоже, они неотделимы друг от друга, как сиамские близнецы, – творчество и шагун не может ступить без того, чтобы рядом не шел страх. Страх и творческое начало вынашивались в одной утробе, родились одновременно, и наверняка какие-то жизненно важные органы у них общие. Вот почему нужно осторожнее обращаться со своими страхами: я замечала, что, пытаясь избавиться от страха, люди, сами того не желая, убивают в себе и творческие силы.

Так что я не пытаюсь уничтожить свой страх. Не веду против него войну. Наоборот, я оставляю для него место. Массу места. Каждый день. И вот прямо сейчас я тоже оставляю место для страха. Я позволяю своему страху жить, дышать и спокойно вытягиваться в полный рост. И знаете, мне кажется, что, чем меньше я борюсь со страхом, тем реже он атакует в ответ. Если мне удастся расслабиться, страх тоже расслабляется. По сути, я всегда радушно приглашаю страх следовать за мною всюду, куда бы ни шла сама. У меня даже есть приглашительная речь для страха, которую я произношу всякий раз перед тем, как взяться за новый проект или нырнуть с головой в очередное большое приключение.

Выглядит она примерно так:

«Дорогой Страх! Мы с Творчеством собираемся отправиться в дорогу. Понимаю, ты к нам присоединишься, ты же всегда так делаешь. Знаю, ты думаешь, что занимаешь важное место в моей жизни, и очень ответственно относишься к своей работе. Видимо, эта работа состоит в том, чтобы вызывать полную панику всякий раз, когда я соберусь сделать что-то интересное. Должна признать, ты справляешься со своей задачей *на высшем уровне*. Так продолжай на здоровье, делай свое дело, раз уж ты считаешь, что это необходимо. Но и я буду делать свою работу в этой поездке, а она заключается в том, чтобы усердно трудиться и не отвлекаться. А Творчество будет выполнять свою работу, а именно подбадривать и вдохновлять. В нашей машине хватит места всем троим, будь как дома, но имей в виду: *решения в этой поездке будем принимать только я и Творчество*. Я сознаю, что ты часть нашей семьи, принимаю это и потому не буду тебе мешать, но не обессудь, твои предложения учитываться не будут. У тебя есть право занять свое место, право высказываться, но нет права голоса. Тебе запрещено трогать дорожные карты и предлагать объездные пути, запрещено крутить ручки на приборной панели. Приятель, тебе нельзя даже трогать *радио*. Но главное, мой старый, давно знакомый друг, тебе ни в коем случае нельзя садиться за руль».

И потом мы отправляемся в путь – я, творческое начало и страх, – как всегда бок о бок, и снова движемся к пугающей, но восхитительной территории неопределенных исходов.

Почему оно того стоит

Это, скажу я вам, не так уж легко и приятно – отважно пуститься в прекрасное путешествие и при этом постоянно чувствовать под боком свой страх, – но все равно дело стоит того, ведь, если вы не научитесь комфортно путешествовать вместе со своим страхом, вам никогда не отправиться в интересное место и не сделать ничего интересного.

А это было бы досадно, поскольку ваша жизнь коротка, уникальна, прекрасна и удивительна, и хорошо бы создать что-нибудь интересное, пока вы живы. Я знаю, вы этого хотите, потому что я сама хочу того же.

Все мы только этого и хотим.

И внутри у вас спрятаны сокровища – невероятные сокровища, – как и у меня, как и у всех вокруг. Но для того, чтобы добыть эти сокровища, требуются усилие, вера, их концентрация, храбрость и много часов потраченного времени, а часы-то тикают, земля вертится, и у нас попросту нет времени, чтобы *размениваться на мелочи*.

Волшебство

Идея приходит

Теперь, покончив с разговорами о страхе, мы с вами можем наконец перейти к волшебству.

Сперва я хотела бы рассказать о самом магическом, что когда-либо со мной происходило. Речь о книге, которую я не смогла написать.

Начну свой рассказ с ранней весны 2006 года. Я только что выпустила книгу «Есть, молиться, любить» и пыталась понять, за что же мне теперь браться в творческом смысле. Инстинкты подсказывали мне, что пора вернуться к своим литературным истокам и написать художественную книгу, чего я не делала годами. На самом деле я так давно не писала романов, что боялась, не забыла ли я вовсе, как это делается. Я опасалась, что художественная литература стала для меня языком, на котором я не могу говорить. Но вот сейчас у меня появилась идея для романа – идея, которая меня ужасно увлекла.

Эта идея была основана на истории, которую мне рассказал мой возлюбленный, Фелипе, о том, что произошло, когда он рос в Бразилии в 1960-е годы. Кажется, правительство Бразилии намеревалось тогда проложить гигантскую автодорогу через амазонские джунгли. Дело было в эпоху бурного развития и модернизации, и такая схема, должно быть, казалась в то время проявлением максимальной дальновидности. Бразильцы вложили огромные деньги в этот амбициозный проект. Международное сообщество добавило многие миллионы на строительство. Какая-то часть денег тотчас исчезла в черной дыре коррупции и неорганизованности, но в итоге достаточное количество попало куда следует, и проект можно было начинать. Несколько месяцев все шло хорошо. Работа успешно двигалась. Небольшой отрезок дороги закончили полностью. Джунгли были побеждены.

А потом начались дожди.

Похоже, никто из проектировщиков до конца не осознавал того, что такое сезон дождей в Амазонии. Строительную площадку моментально затопило, и она стала необитаемой. Рабочим ничего не оставалось, кроме как уйти, оставив всю технику под слоем воды в несколько футов глубиной. А когда они вернулись спустя много месяцев после того, как дожди утихли, то, к ужасу своему, обнаружили, что джунгли попросту поглотили их проект. Все, что было построено, все их усилия были сведены природой к нулю, как если бы рабочих и дороги никогда не существовало вовсе. Они даже не могли сказать, где именно вели работы. И вся их тяжелая техника тоже пропала. Ее никто не крал, а просто как будто кто-то *проглотил*. Как описал это Фелипе: «Бульдозеры с колесами в человеческий рост засосала земля, и они навсегда исчезли. Пропало всё».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.